

Юрий Гласс

УРОКИ
РАВНОДУШИЯ

18+

Юрий Гласс
Уроки Равнодушия

«Автор»

2026

Гласс Ю.

Уроки Равнодушия / Ю. Гласс — «Автор», 2026

В душе каждого человека живёт хаос, который он тщательно скрывает от мира. Но как ни прячь — он просачивается наружу в каждом поступке, в каждом взгляде. Под грузом повседневной рутины мы отвыкаем замечать что-либо вокруг, заикливаясь лишь на себе, пока не превращаемся в эгоистов. Эта история — не просто рассказ. Это зеркало, поднесённое к лицу современного общества, и кривое зеркало собственной души. Город, где воздух пропитан сладковатым запахом тлена. Жизнь, что стала медленным, будничным умиранием. «Цветок для мёртвого» — это аллегория, написанная кровью и ржавчиной. Это притча о равнодушии, которое убивает быстрее ножа, и о той хрупкой, иррациональной надежде, что может прорасти даже сквозь толщу бетона и человеческого безразличия. Не ищите здесь простого сюжета — вчитывайтесь в детали. В запах гниющего мороженого, в скрип прогнившего пола, в молчание, что громче любого крика. И задайте себе вопрос, прочитав последнюю строку: что понял ты? Приятного, но беспокойного чтения.

© Гласс Ю., 2026

© Автор, 2026

Юрий Гласс

Уроки Равнодушия

Ветер срывал пожелтевшие листья, ломкие и сухие, словно обрывки старой пергаментной бумаги, пытаясь увести их прочь из этого странного и неудобного городка. Подбрасывал в воздух, крутил в немом, отчаянном танце, уносил – но силы кончались слишком быстро, выдыхались в свистящем порыве. Не пролетев и нескольких метров, он швырял листья на промерзший асфальт, оставляя доживать последние дни под тусклым, выцветшим солнцем, что висело в небе грязным желтым пятном. Деревья, черные и скрюченные, раскачивались из стороны в сторону, скрипели голыми сучьями, будто с облегчением избавляясь от надоедливой, отмирающей плоти.

Город пропах гнилью. Той жуткой, сладковато-приторной вонью, что исходит от мяса, пролежавшего на солнце неделю на ржавой жести крыши, – мяса, по которому уже ползают белые, жирные личинки, оставляя влажные блестящие следы. Воздух был густой, им тяжело было дышать, он прилипал к легким влажной тряпкой. Сюда редко заезжали, дороги в городок зарастали колючим репейником и чертополохом. А те единицы, что бывали, стремительно убирались восвояси, не оглядываясь на покосившиеся серые фасады. Место пропахло смертью, но те, кто родился здесь, этого не замечали. Они с детства привыкли к бледным, землистого оттенка лицам, к запаху, который уже не казался противным, а стал просто частью фона, как шум ветра в облупившихся водосточных трубах. Здесь редко вглядывались в лица прохожих, глаза скользили по асфальту, по своим стоптаным башмакам. Все боялись. Боялись увидеть в чужих пустых глазах себя – настоящего, со стороны, такого же опустошенного и пропахшего тленом. Каждый держался от другого подальше, оставляя вокруг себя невидимый, но осязаемый пузырь отчуждения. Социум гнил заживо, тихо и методично, день за днем ожидая исхода. Смысл жизни был потерян, растерян где-то между домом и работой. Да и был ли он здесь вообще когда-нибудь?

Люди слонялись по улицам без цели, плечи ссутулены, руки глубоко в карманах выцветших курток. Шли на нелюбимую работу, к начальнику-козлу, который считал подчиненных говном – по крайней мере, пахли они соответствующе, потом и немывтым телом, и безысходностью. Сам он, в кричаще-дорогом, но мешковатом костюме из дешевой, лоснящейся ткани, брезгливо оглядывал рабочих пчел из-за массивного, пыльного стола и натирал руки липким антисептиком с резким химическим запахом, боясь чего-нибудь подхватить, как будто отчаяние было заразно. Но на деле всё было не так плохо, как можно подумать. Всё было гораздо хуже, и эта мысль витала в воздухе, густая и неоспоримая.

В этом обществе царил крошечный, будничны хаос. Казалось, человечность вымерла, как вымирают редкие виды, тихо и безвозвратно. Каждого волновала лишь собственная жизнь – к которой он тоже относился с брезгливостью, как к заношенной, неудобной одежде. Город был бы идеальным пристанищем для маньяков: здесь никто не дорожил жизнью, она болталась на тонком, истончившемся волоске. Но даже маньяки сюда не ехали. Боялись сгинуть вместе с остальными, раствориться в этой всеобщей апатии, стать такими же – черствыми, поглощенными тихой, глухой ненавистью к себе и ко всем. Боялись потерять острый, животный вкус к чужим крикам, самим превратиться в беззвучную жертву, в еще одно пятно на асфальте.

Все куда-то спешили, избегая встречных взглядов, взоры утыкались в потрескавшийся асфальт, в мусор у обочин. Хотя спешкой это было не назвать – шаг был медленный, увядающий, умирающий. Да и куда спешить, если единственное желание – повалиться перед потрескивающим теликом с размазанной картинкой, впитывая, как губка, тонны информационного мусора, липкого и бесполезного? «Всё в мире плохо, вы никому не нужны, но если купите этот товар – станете счастливейшим человеком на земле». Голос из ящика был нарочито

бодрым, фальшивым. И плевать, что тратите последние мятые купюры, отложенные на квартплату. Ради призрачного счастья можно рискнуть всем, а пожить и на теплотрассе можно, в гуле труб и запахе ржавой воды. Маркетинг сходил с ума, высасывая из людей последние соки, вплоть до самой жизни, до последней искорки. Гнить на продавленном диване, уставившись в потолок с желтыми разводами, было последней, тихой стадией отчаяния. Но кое-кто еще бродил по улицам, шаркая подошвами, пытаясь не задуматься о прочной петле и крепком узле.

Минус один человек. Теперь будет проще, воздух, может, чище станет. Был он плохим, хорошим, тихим, крикливым – какая разница? Избавиться от человека, не приложив рук, не запачкавшись, было тайной, заветной мечтой каждого. Люди погружались в эту липкую, вязкую грязь по уши, с каждым днем все глубже, и уже не замечали, как дико, до спазма в скулах, хотят перегрызть друг другу глотки. Показывать это не было смысла, как и прятать за фальшивой, кривой улыбкой. Поэтому на каждом лице, в морщинах у рта, в напряженных веках, застыла одна и та же нелепая гримаса – гримаса немого отчаяния. Ветер продолжал гнать листья по шершавому асфальту, будто пытался помочь им сбежать, перекачивал их сухим шелестом. Но несколько листьев, рыжевато-коричневых, уперлось во что-то мягкое, податливое и еще излучающее слабый остаточный жар. Посреди улицы, у стоки для дождевой воды, забитой грязью, лежало тело, неестественно скрюченное, в луже густой, уже темнеющей по краям алой крови. Из спины, чуть ниже лопатки, торчал кухонный нож с потрескавшейся деревянной ручкой, с пятнами старой грязи под ногтями. Прохожие словно не замечали его. Спотыкались о безвольно раскинутую руку, что-то бормотали себе под нос бессвязные слова и шли дальше, не замедляя шаг, не останавливаясь. Для них тела не существовало, оно было частью пейзажа, как трещина в стене или разбитый фонарь. Помочь? Вызвать скорую? А зачем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.